

Гвердцители Тамира

Согласитесь, в наше время по меньшей мере неожиданной можно назвать случайную встречу с популярной эстрадной певицей в... музее. Однако именно в тихом музейном зале я увидела Тамиру Гвердцители. И разговор наш начался с воспоминания о тех далеких временах, когда маленькая Тамара пела во всемирно известном ансамбле "Мзиури".

— Тамара, помните, у вас в детстве была такая победная песня об успехах юной певицы. Что, действительно на вашем пути не было преград, разочарований, зависти...?

— Не надо все идеализировать. В ансамбле любом, в детском в том числе, собираются вместе все типы людей: талантливые и не очень, добрые и завистливые. Представляете, как ково уживаться? Именно в "Мзиури", где нас было 20 девочек и каждая со своим характером, я научилась бороться за себя. Да и в обычной школе я была как бы вынесена за скобки: солистка модного ансамбля, гастрологи... Простить мне это одноклассники не могли. Никто уже не вспоминал, что я пою в ансамбле потому, что у меня хороший голос. Был факт — у нее есть заморские жвачки, у нас их нет, значит, она чужая. Все это изжитки нашего тогдашнего воспитания. Царствовал принцип: если ты выбиваешься из общего ряда, тебя ненавидит окружение. Кстати, потом я жвачки для всего класса привозила.

Теперь о большой эстраде. Я — лауреат пяти всесоюзных и международных конкурсов. Между прочим, лауреатство, наверное, единственное из признанных и ценимых во всем мире наших званий. Любимый конкурс для исполнителя — проверка не только твоих творческих данных, но и силы воли, характера. И победители куда реже оказываются случайными людьми на сцене. Это вам не коммерция: вложил какой-то завод-гигант в певицу деньги, смотришь, она уже день и ночь в телепрограммах выступает. Плохо ли?

Я горжусь победами в конкурсах потому, что я сражалась с достойными противниками. И кстати, обратите внимание, многие ведущие мастера сегодняшней эстрады вышли из того времени. Конечно, скорее вопреки, чем благодаря ему. Но факт!

— Одно время за вами прочно закрепилось амплуа комсомольско-молодежной "богини". Вас это не угнетало?

— Да, побывала я и в этом статусе, потому что записала несколько оптимистическо-гражданских песен. К примеру, в 19 лет спела "Юность моя...". Спасли меня тогда искренность плюс не самый плохой голос. Все, что я пела, я пела не лукавя. Мои песни не раздражали людей. Может быть, поэтому я, к счастью, не удержалась на позиции правительственной или режимной певицы. И вообще, считаю, главное — не раздражать людей.

— Вы — не честолюбивы?

— Нет и еще раз нет. Стать "звездой" любой ценой — это не по мне. Я училась в консерватории, была отличницей, успешно выступала как пианистка. А в 18 лет поехала в Днепрпетровск и попробовала себя в качестве певицы. Стала лауреатом, но это не было утехой для тщеславия. Публика встретила меня очень хорошо, и я решила уйти в эстраду. Нельзя сказать, что меня "сделали" певицей композиторы, поэты, модельеры. Просто шел голос, хотелось петь, и все. Слава Богу, мне никто не смог перекрыть кислород. Как и многие мои коллеги, я попала в жестокий круговорот эстрадного выживания. Живу пока...

— Какие песни вам по душе?

— Как-то мне подсказали, что я неоромантистка в музыке и в жизни.

— Тогда вам, наверное, тяжело приходится в мире современных хитов?

— Я считаю, что на существование и сосуществование право в музыке имеет все. Всегда не обязательно, что при популярности одного направления другое должно непременно зачахнуть и умереть. Так что я с достоинством переживаю это время.

— Время, когда, по утверждению одного из самых популярных поэтов современности — киоскера Юрия Дружкова, матери укачивают детей только под его "Ксюшу" и "Алеху"?

— Не все так трагично. Меня часто спрашивают, почему я редко появляюсь на сцене, и это приятно слышать. Оказывается, еще нужны не только пустые песенки. Наших людей, мне кажется, сильно принижают, объясняя, что по просьбам трудящихся вновь звучит очередной "шлягер". Те же трудящиеся с удовольствием слушают хорошую музыку, поэзию, ходят на хорошие выставки.

— Так почему вы так редко

— В Грузии война, да и в Москве неспокойно. Не страшно?

— Во время путчей — и августовского, и октябрьского — я была в Москве. 3 и 4 октября думала, что жизнь закончится, если произойдет непоправимое. Тогда уже спастись придется всем. Но опять же, уедем мы, что дальше? Это физическое спасение, а духовного не будет.

— Вы политизированная женщина?

— Я разбираюсь в политике очень хорошо. (Смеется.)

— Может, у вас есть точное понимание, кто прав, кто виноват в событиях тех октябрьских дней?

— Я не пыталась дать им политическую оценку. Я — женщина эмоциональная и немного сумасшедшая. Но чувствовать себя пешкой на шахматной доске очень сложно, а главное, неприятно. И в Москве, и в Тбилиси ощущение беспомощности ме-

ккой малой частицей в огромном мире.

— Вы верующий человек?

— Да, я христианка. И всем заповедям стараюсь следовать в жизни.

— Пожалуйста, Тамара, продолжите фразу: "Я жалею, что..."

— Когда я начинаю о чем-то жалеть и думать, что могло бы быть, не пойдя я, например, учиться в консерваторию, а поступи в театральный, сразу вспоминаю песню Пиаф "Нет, я не о чем не жалею..."

— Расскажите, какой у вас характер?

— Один человек сказал, что я — не социальный тип. Вообще мне часто говорят, что я родилась не в свое время, меня бы в век XIX. А в характере куча противоречивых черт, каким-то образом уживающихся. И, может быть, в этом есть что-то чарующее — сказала я скромно про себя. (Смеется.) А если серьез-

— Ему можно верить. А нашими композиторами интересуетесь?

— Работая с Рыбчинским, Тараченко. Выдаю вам тайну: верю, что у меня состоится с ними творческая любовь. Ведь отношения с композиторами складываются так же, как с другими людьми. Порой увидишь человека, и сразу кажется, что знаешь его сто лет.

— Вы должны верить в любовь с первого взгляда,

— Конечно. При первой встрече сразу можешь понять: "мой" человек или нет.

— Какие недостатки вы прощаете близким?

— "Мы дружим за ошибки прощали, лишь измены простить не могли". По-моему, точно сказано.

— "Мне нравится, когда мужчина..."

— Очень талантлив, когда в нем есть доля инфантилизма. Мужчина не может быть злым и плохим. Вообще в XX веке так не

му стилисту потому, что он знает мое творчество.

— Вы упоминали о сыне. Какой бы жизни вы для него хотели?

— Ах, чтобы был здоров. Ему только восемь лет, но это уже характер, и сильный характер. Я бы хотела, чтобы он имел свое любимое дело, потому что для мужчины это самое важное. А кем он будет, мне все равно.

— Где он живет?

— Сейчас в Тбилиси. Можно я продолжу о нем, ведь я его так люблю.

Он человек умный, темпераментный, с живым юмором. И конечно, я бы ему пожелала, чтобы у него была любимая жена. И он с таким же трепетом и уважением относился к ней, как относился к нам с мамой. Чтобы он не вырос в "кавказского" мужчину в нехорошем смысле.

— Мама — ваша основная помощница?

— Да, и мой муж. Он режиссер в Тбилиси на телевидении.

ДЕПРЕССИЯ? СЛИШКОМ БОЛЬШАЯ РОСКОШЬ

А у Тамары ГВЕРДЦИТЕЛИ нет на это времени

появляете на сцене?

— Гастроли, гастроли...

— Вас часто сравнивают с Эдит Пиаф. Приятно слышать, не правда ли?

— К сравнению с популярными певицами я отношусь с юмором. Пиаф одна, и она неповторима, это ясно как Божий день. Готовя цикл в память Пиаф, я старалась показать, что ее музыка, ее песни пережили певицу и могут существовать вечно. Ни в коем случае я не хотела подражать. Да если бы и попыталась, люди не приняли бы меня. Я очень счастлива, что этот цикл мне удалось показать в Париже. В маленьком театре проходил конкурс с участием французских "звезд". Меня пригласили как представителя Восточной Европы. Исполнила часть французского цикла, грузинскую песню и русский романс "Только раз бывают в жизни встречи..." Я настолько боялась суда публики, что перед выходом на сцену у меня буквально тряслись колени. А спела — гром оваций. Честно. Такого приема я не ожидала. Раз меня приняли в Париже, может быть, я не зря занимаюсь своим делом?

— Вы говорите по-французски?

— Да. В Америке я выступала по-английски. Английским тоже владею.

— После столь бурного приезда не было желания остаться в благодарной Франции?

— Теряя родину, мы никогда не знаем, что обретаем взамен. Это необходимо трезво понимать, решаясь на эмиграцию. Я не смогла перечеркнуть свои корни, язык, культуру. Были моменты, когда я задумывалась об отъезде, но каждый раз приходила к выводу: мне гораздо сложнее пережить разлуку с родиной, нежели то, что сейчас с ней происходит.

приводило в ужас. Самое страшное, что гражданская война — физиологически неоправданное действие. Когда врага нет, его выдумывают. Врагом становится брат, друг. Это я пережила в Грузии, теперь в Москве.

— В прошлом году я была в Тбилиси и не узнала города. Выжжен проспект Руставели, бесконечные очереди... Мне показалось, что постепенно исчезает дух города.

— Сколько раз я вспоминаю Грузию, столько раз умираю. Сколько раз выезжаю на Руставели, столько раз умираю. Руставели — часть моей жизни. Там прошла моя юность. Я не могла представить даже в страшном сне, что Руставели — праздник, своего рода Бродвей — превратится в похоронный путь, и так быстро.

— Давайте не будем больше о грустном. Скажите, какое место на земле у вас ассоциируется со словом "счастье"?

— Да, я могу ответить на этот вопрос. Когда приезжаю в Париж, меня захватывает ощущение полного вневременья. Только там я реально себя ощущаю окрыленным и счастливым человеком. Именно в этом городе я пишу музыку. Там особая биосфера, особое поле, которое превращает меня в другого человека. Нет, не правильно. Я превращаюсь в ту женщину, какой, может быть, была задумана.

Меня еще потрясла встреча с Иерусалимом. Со мной были моя мама и сын. Когда мы въехали в этот белый город, мама расплакалась, а сын так разволновался, что онемел сначала, и вдруг выпалил: "Я верю, что по этим улицам ходил Христос". Именно это место на земле ставило меня ощутить себя не-

но, то считаю, что твой талант не должен портить жизнь окружающим. Все женские капризы, звездные "заезды" я оставляю при себе. Очень боюсь быть бременем для других.

— Что-то в вашем характере мешает общаться с людьми?

— Наверное, неспособность быстро принимать решение — любое. Главное, я понимаю, что от этого решения не зависит судьба планеты и моя собственная жизнь не пойдут под откос, порой речь идет о двух-трех тактах, но сколько переживаний...

— Ваши любимые композиторы?

— Бах, Бетховен, Шопен, из XX века — Рахманинов, Прокофьев.

— Вам удалось найти своего композитора?

— Да, это я сама. (Смеется.) Мой репертуар более чем на пятьдесят процентов состоит из собственных песен. А еще исполнилась моя мечта. Два года назад жизнь преподнесла очень дорогой подарок — возможность работать с Мишелем Леграном. Он написал для меня четыре песни, и сейчас идет над ними работа. Встреча произошла случайно, а может быть закономерно, или мое огромное внутреннее стремление и желание сыграли свою роль. Не знаю.

Причем я уверена, что, если бы я к этому сотрудничеству стремилась "своим ходом", потребовались бы годы, а успеха бы не было. Ведь Леграну каждый день присылают тысячи записей. Как кассета с моими песнями попала композитору на стол, для меня до сих пор загадка. Но вдруг позвонил секретарь и сообщил, что маэстро хочет со мной встретиться. Когда я с ним встретилась, он сказал, что я одна из замечательных в мире певиц. Вы представляете!

хватает романтических лиц. Иногда ведь хочется и серенаду с балкона послушать, и цветы получить от таинственного незнакомца...

— Мне показалось, что вы легко сходитесь с людьми. У вас много друзей?

— Я считаю, что невозможно иметь много друзей. За истинной дружбой стоят годы. У меня подруги в основном со времен "Мзиури" и консерватории.

— Кажется, вы никогда не поете под "фанеру"?

— Конечно, это — моя профессия. А может быть, я протестую против законов эстрадной жизни.

— Протестуете?

— А я все время борюсь. С жизнью борюсь, к примеру, тоже.

— И во что это выливается?

— Начинаю петь фортиссимо, навожу макияж и обязательно крашу губы красной помадой. Именно красным цветом я протестую против серости жизни. Но любимый цвет у меня — черный.

— Вы любите ходить на всевозможные тусовки?

— Раньше я была очень богатой. Теперь жизнь заставила меня жить по-другому. Все, что произошло в Грузии, в Москве, на меня так сильно подействовало, внутри что-то оборвалось. А вообще-то я азартный человек, меня легко завести на спор.

— Так, может быть, музам вообще лучше помолчать, пока пушки гремят?

— Нельзя, чтобы моя прекрасная Грузия пошла во всеобщее горе и всеобщие похороны. Это прекрасно, что Габриэлле — директор театра Образцова, что у Роберта Стурца очередной успех. Так нация борется не с кем-то конкретно, а за выживание. Я не утверждаю, что надо погрузиться в безумное веселье, но элемент оптимизма должен быть всегда.

— Хотели бы выйти на сцену, вам нужен какой-то допинг?

— Наши актеры самые закаленные люди: Это на Западе "звездам" нужны острова, дома, бассейны. У нас все проще. Ты напряжена весь день, разрешаешь проблемы, которыми вроде бы и не должна заниматься, а вечером приезжаешь на концерт, глотишь немного кофе и — вперед, к зрителю. Обычно я приезжаю к началу концерта, даже если выступаю десятым номером. Очень люблю запах кулис. Наши некоторые "звезды" считают ниже своего достоинства стоять за кулисами, а мне это нравится.

— Есть исполнители, которые сознательно отказываются от сценических костюмов. Вы придерживаетесь иной точки зрения?

— Сценический костюм обязателен. Я продумываю все — от заколки до каблучков. Даже будучи студенткой не могла выйти на сцену в чем попало.

— У вас есть свой модельер?

— Да, в Париже. Я верю свое-

— Но вы постоянно на гастролях. Дом остается без хозяйки?

— Приходится, и мне от этого очень тяжело. Я люблю свой дом, ведь я его сама создала. Там заложен мой темперамент, творческое начало. В одной комнате у меня рояль, в другой — фортепиано, в третьей — фисгармония, в четвертой — аппаратура. Мой дом — мой мир. И представляете, как тяжело мне его каждый раз оставлять!

— У вас ангельский муж?

— (Смеется.) Да, он понимает, что, как говорят французы, сейчас или никогда.

— Вы любите готовить?

— Да, очень. Несмотря на мой вес и вид, я отношусь к еде очень серьезно.

— И в чем это выражается?

— Я грузинка, а в Грузии еда — это ритуал.

— Есть любимое блюдо?

— Все грузинские блюда. И овощные салаты. Раньше я была мясным человеком, теперь сменила вкусы, стала фруктово-овощным.

— Строгая вегетарианка?

— Не-ет. Знаете, говорят, каждый певец должен съесть свой антрекот.

— Можете ли вы себе позволить весь день дома прохаживаться в халате?

— Весь день? Что вы! Ну чашик, пока кофе пью.

— Вы легко впадаете в депрессию?

— Слишком большая для меня роскошь. Нет возможности впасть в депрессию, нет времени.

— Вы часто бываете в Москве. У вас есть здесь квартира?

— Нет. В Москве у меня только машина, которую мне подарили на концерте.

— Кто же осилил столь эффектный подарок?

— Меценаты из "Ассоциации XXI век", которые помогли мне организовать выступление. Я же до конца концерта ни о чем и не догадывалась.

— Все заработанные деньги вы предпочитаете вкладывать в материальные ценности: дом, дачу или...?

— Честно говоря, я откладываю какую-то сумму для тбилисцев. Там живет моя учительница, которой я всякий раз стараюсь сделать красивый подарок. Вообще люблю делать подарки, всячески помогать. Может быть, в этом и состоит христианский долг. Вкладывая деньги в костюмы, косметику, которые я покупаю в Париже.

— Что бы вы себе пожелали?

— Французы говорят: с любимой работы с удовольствием возвращаться домой. Я бы пожелала любому человеку этого же. А еще я бы хотела, чтобы моя жизнь хоть на немного, но упорядочилась.

Беседу вела Марина КОЛОСОВА.

На снимке: Тамара Гвердцители с сыном. Фото из семейного архива.